

Колдовство перед лицом суда в украинских воеводствах Речи Посполитой

Александра Б. Ипполитова
Институт славяноведения РАН

Aleksandra B. Ippolitova
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
alhip@yandex.ru

Рецензия на книгу/Review of: *Kateryna Dysa, Ukrainian Witchcraft Trials: Volhynia, Podolia, and Ruthenia, 17th–18th Centuries*, Budapest: Central European University Press, 2020. x+254 p. ISBN: 9786155053115.

В 2020 г. в издательстве Центрально-Европейского университета вышла английская версия книги известного украинского историка, руководителя Центра польских и европейских исследований Киево-Могилянской академии Катерины Дысы “Ukrainian Witchcraft Trials. Volhynia, Podolia, and Ruthenia 17th–18th Centuries” (украинское издание: Катерина Дыса, *Історія з відьмами. Суди про чари в українських воеводствах Речі Посполитої XVII-XVIII століття* (Київ: “Критика,” 2008)).

Во введении автор дает краткий обзор основной историографии по колдовским процессам в Украине, Польше и России, определяет хронологические (вторая половина XVII – конец XVIII в.) и географические рамки исследования (три воеводства Речи Посполитой), источниковую базу (198 дел о колдовстве из архивов Украины и Польши и опубликованных, а также визуальные источники, проповеди, трактаты и др.). Особое внимание уделено методологическим проблемам работы с материалами следственных дел, поскольку, как отмечает автор, прежде чем трансформироваться в текст следствия исходные нарративы “прошли через множество фильтров.” Поэтому историку “приходится искать золотую середину между доверием к каждому слову свидетельств и скептическим и критическим отношением к фантастическому содержанию рассказов о колдовстве” (с. 13). Автор книги полагает, что адекватное материалу исследование колдовских процессов возможно только при комплексном подходе, когда сочетаются статистический и текстовый анализ, количественные и качественные методы.

К. Дыса подчеркивает, что анализ судебно-следственных материалов не является для нее самоцелью. Источники служат лишь основой для изучения “анатомии обвинений в колдовстве,” повседневных страхов и привязанностей людей, вовлеченных в разного рода конфликты, многогранные ситуации, так или иначе связанные с колдовством. Главные герои книги – представшие перед судом ответчики (“ведьмы” и “колдуны”) и истцы, предъявившие им обвинения в колдовстве.

В книге вводится в научный оборот множество архивных материалов XVI-XIX вв., но при этом, к сожалению, отсутствует их структурированное описание. Думается, что более подробный разбор источников и хотя бы минимальная визуализация содержащихся в них данных (таблицы, диаграммы, карты) только украсили бы

издание и облегчили восприятие информации. Читателю остается неизвестной “материя” источника: что представляет собой следственное дело как письменный документ, каковы его формуляр и структура. В монографии нет сводных данных о хронологическом распределении использованных дел (их количество по векам, какая картина по десятилетиям, как это соотносится с их содержанием, гендерной составляющей, характером приговоров и т.п.).¹ Полезным мог бы оказаться и такой простейший прием, как например, нанесение на карту населенных пунктов, где, согласно следственным делам, были зафиксированы случаи колдовства.

Для конструирования общей картины судебных процессов о колдовстве К. Дыса сосредоточилась на трех направлениях, которые и определили структуру книги. Первая глава (“Constructing the Ukrainian Witchcraft Trial”) посвящена устройству украинских судебных процессов о колдовстве. Прежде чем переходить к анализу фактической юридической практики, К. Дыса предлагает обратиться к правовой базе: действовавшим законам против ведьм и колдовства и предписанным в юридических руководствах конкретным процедурам. Автор рассматривает украинское законодательство на фоне истории европейского права, где колдовство входило в разряд преступлений еще в Средневековье.

Рассматриваемые К. Дысой источники относятся к трем украинским воеводствам Речи Посполитой: Подольскому, Волынскому и Русскому (Рутенскому). Большинство дел о колдовстве происходит из городских судов, находившихся под юрисдикцией магдебургского права. В судебной практике со второй половины XVI до конца XVIII века, как правило, использовались пособия юриста Бартоломея Гроицкого (основанные на *Speculum Saxonum* и *Constitutio Criminalis Carolina*), где есть и главы о рекомендациях по борьбе с ведьмами. Однако изучение автором материалов судебных разбирательств показало, что украинские судьи использовали юридические пособия скорее в качестве открытых для толкования рекомендаций, а решения принимались на основе интуиции и установившейся традиции: как правило, наказанием за колдовство были штраф или порка. Нередко дела прекращались за отсутствием доказательств, подтверждающих обвинение. По данным автора, на 198 процессов приходится только 13 казней.² Во второй половине XVIII в. число украинских процессов о ведьмах и колдовстве резко сокращается, так как в Польше и России появляются законы, запрещающие подобные дела к рассмотрению.

К. Дыса отдельно останавливается на вопросе о роли пыток в процессе дознания. Выясняется, что они упомянуты лишь в 7 из 198 украинских дел. По-видимому, это связано с тем, что пытки не считались действенным способом добиться истины (ср. рефлексию о пытках в пособиях Б. Гроицкого). Кроме того, для пыток были необходимы опытные палачи, а их услуги стоили дорого, далеко не все города могли себе это позволить.

Как показывает К. Дыса, одним из серьезных поводов для обвинений в колдовстве становилась такая важная составляющая повседневной коммуникации, как сплетни и слухи. Их роль с одной стороны, состояла в том, чтобы предупредить

¹ Отметим, что в украинском издании 2008 г. есть таблица географического распределения и численности дел (с. 61). Там же указано, что 158 дел из 198 происходят из трех указанных воеводств Речи Посполитой, а 189 из 198 относятся к XVII-XVIII вв., остальные 9 – XVI и XIX вв. (с. 60).

² Вероятно, правильнее было бы подсчитывать дела со смертными приговорами не в общем корпусе источников (198), а в основном, т. е. тех 158 делах, что происходят из указанных трех воеводств и относятся к XVII-XVIII вв. То же относится и к другим подсчетам (например, упоминаниям пыток).

членов сообщества о потенциальной опасности, которую представляет ведьма или колдун, или дать знать ведьме, что жертва знает о ее недобрых намерениях, а с другой – чтобы испортить репутацию конкурента или соперника, распространив слух о его колдовских занятиях.

Специального внимания удостоились и действующие фигуры процессов о колдовстве – обвиняемые и обвинители. К. Дыса оговаривается, что не все дела содержат достаточную о них информацию, поэтому возможны погрешности при анализе. В гендерном отношении среди обвиняемых преобладали женщины (78%, что меньше, чем в самой Польше, но близко к среднему значению по Европе).

Что становилось поводом для обвинения в колдовстве? Дьяволы или нечистая сила упоминаются лишь в небольшом числе дел (4%), чуть больше дел касались деловой конкуренции, успеха в некоем предприятии – выиграть суд, поиск клада, кража (около 11%). Во всех остальных случаях предмет конфликта был приурочен к домашней сфере (наведение порчи на детей или на членов семьи, любовная магия, посягательство на рождаемость и др.), в значительной мере связанной с женщинами, чем и можно объяснить их больший процент среди обвиняемых.

Поскольку среди источников К. Дысы в основном протоколы городских судов, то и социальный срез большинства дел включает лиц сходного социального статуса: коллег по работе, соседей, членов одной семьи (около 90%). Остальные дела представляют, как правило, обвинения начальниками подчиненных. Лишь малая часть документов связана с обвинениями против меньшинств и маргиналов (нищие, бродяги). Из профессиональных групп чаще всего встречаются ремесленники, духовенство и солдаты.

Во второй главе (“Ukrainian Orthodox Demonology: The Learned Elite and Perceptions of the Devil and Witches”) рассматриваются представления о демонологии, дьяволе и ведьмах с точки зрения украинской православной церковной элиты. Это иконография изображений дьявола, демонов и ведьм; представления о демоническом в сочинениях украинских православных проповедников и богословов (Иоанн Вишенский, Петр Могила, Иоанникий Галатовский, Антоний Радивилловский, Димитрий Ростовский); особенности представлений об одержимости бесами и экзорцизме, немногие свидетельства о заключении договоров с дьяволом; демонизация соседей, соперников и врагов.

К. Дыса приходит к выводу, что украинская православная демонология, в отличие от западной, была слабо разработана и играла маргинальную роль в богословской, полемической и юридической мысли. Дьявол, бесы и ведьмы упоминались украинскими проповедниками в качестве орудия риторики, а главной их мишенью были грех и грешники. Последние считались слугами дьявола, соответственно, и ведьмы считались таковыми, а значит, не было необходимости в разработке концепции договоров с дьяволом (зафиксировано всего несколько случаев). Религиозные авторитеты, хотя и осуждали колдовство как грех, не вмешивались в судебные процессы и не поощряли какие-либо действия против предполагаемого колдовства.

В третьей главе (“Beyond the Trials, or the Anatomy of Witchcraft Accusations”) – самой большой (занимает половину объема всей книги) и детально структурированной – К. Дыса переходит к анализу социальных конфликтов, которые чаще всего влекли за собой обвинения в колдовстве. В фокусе этой главы – люди, по тем или иным причинам обращавшиеся к магическим практикам, а также их занятия и репутация в обществе. Автор особо указывает на парадокс, что при отсутствии выраженного интереса к колдовству со стороны светской и духовной

власти, в судах не наблюдалось недостатка в доносах и жалобах: очевидно, многие конфликты, существовавшие в обществе, осмыслились людьми с точки зрения возможного колдовства.

Данные следственных дел позволили К. Дысе выявить типы социальных взаимоотношений, которые могли провоцировать ссоры и последующие обвинения оппонентов в колдовстве. Это соседские и внутрисемейные отношения, профессиональная конкуренция (донос как способ испортить репутацию, распространение слухов, что успех конкурента связан с колдовством; колдовство в среде трактирщиков, ткачей, мельников); взаимоотношения хозяев и слуг (колдовство против хозяина, а иногда и выгораживание патроном собственных слуг).

Далее К. Дыса анализирует разные сферы применения магии, отразившиеся в источниках. Это, прежде всего, любовная магия, к которой прибегали крестьяне и горожане, слуги и представители шляхты. Этот вид магии был более популярен у женщин (вернуть любовь супруга, отвадить соперников, избавиться от любовника или супруга; магия как удачное объяснение плохих взаимоотношений в семье). Затем – сфера здоровья и болезней (болезни, насланные колдовством; магическое исцеление), порча домашних животных и урожая.

Помимо собственно ведьм и колдунов в следственных делах упоминаются и прочие приверженцы магии. К. Дыса разделяет их на профессионалов и любителей. К первым она относит колдунов-специалистов, к которым обращались с различными проблемами. Ко вторым – тех членов социума, которые могли выполнять некоторые повседневные магические практики, не требующие специальных познаний. По данным следственных дел, к колдунам-профессионалам обращались за помощью при медицинских проблемах, разыскании кладов, поиске украденного, пропавшей скотины, выявлении воров (а иногда и других преступников), для сокрытия преступлений или благополучного исхода суда, для обнаружения и нейтрализации ведьм. Особо К. Дыса подчеркивает, что люди предпочитали обращаться к "чужим," не местным знатокам. Среди любительских магических практик были распространены гадания (на будущего мужа, о потерянных или украденных вещах).

Как показывают данные следствий, украинская магия раннего Нового времени имела мало общего с "высокой" демонологией. Она была направлена на конкретные практические цели: на любовь и ненависть, болезнь и здоровье, неудачу и успех. Люди обращались в суд, когда предполагаемое колдовство угрожало их здоровью, благосостоянию или общей безопасности, но при этом оно никак не ассоциировалось с ересью.

Существенно, что в следственных делах нередки примеры, когда локальное сообщество отстаивало честную репутацию обвиненных в колдовстве. Коллективные обвинения в колдовстве и, в меньшей мере, коллективная поддержка против таких обвинений происходили в основном в деревнях и малых городах. В больших же городах в следствие вовлекались, как правило, один-два соседа.

Последняя глава книги ("A Case of Witchcraft and Infanticide in Szczerowczyky") посвящена микроисторическому исследованию одного конкретного судебного процесса – случаю ведьмовства и убийства новорожденного младенца в местечке Щуровчики в 1753 г. Такие преступления являлись, как правило, специфически "женскими." По делу проходили две обвиняемые. Это Евка Станориха, мать мертворожденного незаконного младенца, которого она родила в свинарнике и

оставила там же на съедение свиньям. И ведьма Оришка Личманиха, давшая Евке зелье, чтобы выгнать плод. Показательны приговоры, вынесенные судом. Евку Станориху приговорили к смертной казни, а Оришку Личманиху, признавшуюся в колдовской деятельности (участие в сборищах с другими ведьмами и полеты с ними по воздуху, использование отравных зелий, кража молока у коров, вызывание дождя и града) – лишь к двумстам ударам розгами (по пятьдесят ударов раз в месяц). Таким образом, детоубийство представлялось кременецким судьям более серьезным преступлением, нежели колдовство, хотя по законам магдебургского права они могли вынести Оришке значительно более суровый приговор.

В послесловии автор размышляет о дальнейшей истории образа украинской ведьмы – его романтизации в XIX в. (Николай Гоголь, Остап Сомов, Григорий Квитка), забвении в советскую эпоху и воскрешении в конце XX – начале XXI в. в контексте взрыва интереса к оккультно-магическим практикам.

Исследование К. Дысы вносит существенный вклад в изучение истории колдовских процессов в Европе раннего Нового времени, поскольку дает возможность сравнить особенности гонений на ведьм в неизученном ранее в этом аспекте регионе Европы с другими и понять его локальную специфику. В книге вводится в научный оборот внушительный корпус архивных документов из хранилищ Украины и Польши (Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев; Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов; Научная библиотека Львовского государственного университета; Archiw Główny Aktów Dawnych, г. Варшава). Сочетание историко-антропологического и микроисторического подходов позволило автору увидеть за сухими строками документов напряженные взаимоотношения между представителями разных сословий и коллегами по ремеслу, соседями и членами одной семьи.

Как уже было сказано, основной сюжет книги развивается на перекрестье трех ракурсов: правовая основа и судебная практика процессов о колдовстве; демонология, ведьмы и колдовство в дискурсе православной церкви; детализация повседневных конфликтов, связанных с ведьмами и чарами. Но существует и еще одна важная составляющая – собственно народные представления о ведьмах и колдовстве. Именно они и являлись тем базисом (в отличие от “внешних” взглядов судебных властей или церковной элиты), на основе которого возникали описанные в книге конфликтные ситуации.³ Изучение таких представлений чрезвычайно важно для антропологически ориентированного исследования, поскольку они позволяют сместить точку зрения наблюдателя с внешней на внутреннюю и увидеть явление колдовства изнутри сообщества, что необходимо для большей объективности общей картины.

Здесь стоит уточнить, что рассматриваемые в книге судебные дела имели место на относительно компактной территории. Если посмотреть на карту, то упомянутые в книге города и села, связанные с колдовскими процессами, образуют близкую к овалу фигуру размером приблизительно 330 км (по линии запад-восток, Львов-Летичев) на 160 км (север-юг, Кременец-Коломыя), с выступом около 150 км к северу от Львова к Владимиру-Волынскому и от Кременца к Луцку и Ковелю. В историко-этнографическом отношении эти земли входят в полесскую (севернее Луцка и Владимира-Волынского), карпатскую (Львовская, Ивано-Франковская области, а также большая часть Тернопольской и Черновицкой областей), волынскую и

³ Собственно, обращение в суд по поводу колдовства – это крайний случай развития кризисной ситуации. Вся же совокупность колдовских конфликтов в том или ином сообществе и их конкретика были неизмеримо шире, чем это отражено в судебных процессах.

подольскую этнокультурные зоны. Причем Полесье и Карпаты даже в конце XX в. оставались своеобразными заповедниками архаических верований, а соседние Волынь и Подолье весьма близки к ним по характеру материала.

Разумеется, в книге есть отсылки на этнографические работы конца XIX – начала XX в. (ряд публикаций в журнале “Киевская старина,” работы П. Иванова, В. Гнатюка, А. Онищука и др.). Но методология исследования славянской народной демонологии вообще и ведьмы как мифологического персонажа в частности значительно изменилась со времен описательных работ рубежа веков. Весьма актуальными для анализа колдовской составляющей следственных дел являются современные работы об украинской низшей мифологии – как обобщающие (О. Порицка, Ю. Буйских),⁴ так и построенные на локальном материале.⁵ Для понимания образа ведьмы и колдовства в целом методологически важными являются труды московской школы этнолингвистики, в частности, статья о ведьме в словаре “Славянские древности,”⁶ книга Л. Н. Виноградовой о народной демонологии славян⁷ и первый том издания⁸ “Народная демонология Полесья.” В этих публикациях подробно анализируются мотивы и признаки, составляющие образ ведьмы (и других людей, наделяемых сверхъестественными свойствами) в разных славянских традициях, в том числе в Полесье и на Карпатах. Полный перечень таких мотивов и признаков (диалектные названия ведьмы, внешний вид, периоды активизации, мотивы отбирания молока у коров, отнимания урожая, полеты на сборища, способность насылать порчу, оборотничество и т.д.), примененный к данным из следственных дел, позволил бы, во-первых, выявить локальные черты в этих материалах (так, например, образы карпатской и полесской ведьм вовсе не идентичны), во-вторых, понять, какие именно признаки ведьмы становились поводом для конфликта или возбуждения дела, а какие оставались

⁴ Ольга Порицка, *Українська народна демонологія у загальнослов'янському контексті* (Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського нану Київський Національний Університет Культури і мистецев, 2004). (Ol'ha Porits'ka, *Ukraïns'ka narodna demonologija u zagal'noslov'ians'komu konteksti* (Kyïv: Institut mistetstvovnavstva, fol'kloristiki ta etnologii im. M. T. Ril'skoho nanu Kyïvs'kii Natsional'nii Universitet Kul'turi i mistetsev, 2004); Ю. С. Буйських, “Колісь русалки по землі ходили...” *Жіночі образи української міфології* (Харків: КСД, 2018). (Ju. S. Buis'kikh, “Kolıs' rusalki po zemli hodili...” *Zhinochi obrazi Ukraïns'koï mifologii* (Kharkiv, KSD, 2018).

⁵ І. Г. Чеховський, *Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону* (Чернівці: Зелена Буковина, 2001). (I. G. Chekhovs'kyi, *Demonologichni viruvannia i narodnyi kalendar Ukraïntsiv Karpats'kogo regionu* (Chernivtsi: Zelena Bukovina, 2001); Наталя Хобзей, *Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник* (Львів: НАН України, Ін-т українознав им. І. Крип'якевича, 2002). (Natalia Khobzei, *Gutsul'ska mifologija: Etnolingvistichni slovník* (L'viv: NAN Ukraïni, In-t Ukraïnoznav im. I. Kryp'iakevycha, 2002)); Н. М. Войтович, *Народна демонологія Бойківщини* (Львів: СПОЛОМ, 2015). (N. M. Voitovich, *Narodna demonologija Boikivshchynu* (L'viv: SPOLOM, 2015); Володимир Галайчук, *Українська міфологія* (Харків: КСД, 2016). (Volodymyr Galaichuk, *Ukraïns'ka mifologija* (Kharkiv: KSD, 2016)).

⁶ Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая, “Ведьма” в Н. И. Толстой, ред., *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, т. 1. (Москва: “Международные отношения,” 1995), 297-301. (L. N. Vinogradova i S. M. Tolstaia, “Ved'ma” v N. I. Tolstoi, *Slavianskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, t. 1. (Moscow: “Mezdunarodnye otnosheniia,” 1995), 297-301).

⁷ Л. Н. Виноградова, *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян* (Москва: “Индрик,” 2000). (L. N. Vinogradova, *Narodnaia demonologija i mifo-ritual'naia traditsiia slavian* (Moscow: “Indrik,” 2000).

⁸ Л. Н. Виноградова и Е. Е. Левкиевская, сост., *Народная демонология Полесья (публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века)*, т. 1 (Москва: Языки славянских культур, 2010), 36-256, (раздел о ведьме). (L. N. Vinogradova i E. E. Levkievskaia, sost., *Narodnaia demonologija Poles'ia (publikatsiia tekstov v zapisiakh 80–90-h gg. XX veka)*, t. 1 (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010), 36-256).

несущественными (что важно для антропологической составляющей исследования); в-третьих, выявить нетипичные для рассматриваемых ареалов мотивы (например, ремесленные верования, характерные, возможно, более для городской западной традиции, нежели для сельской среды). Кроме того, этнографические материалы позволяют объяснить ряд моментов, например, превалирование женщин среди обвиняемых: дело в том, что образ мужчины-колдуна разработан на западе и юге восточнославянской традиции значительно слабее, нежели образ ведьмы.⁹ Таким образом, привлечение современной методологии анализа народных демонологических представлений могло бы сообщить исследованию новое измерение и сделать общую картину “анатомии колдовства” более детальной и рельефной.

⁹ Виноградова и Левкиевская, сост., *Народная демонология Полесья*, 233. (Vinogradova i Levkivskaia, sost., *Narodnaia demonologïia Poles'ia*, 233).